

Фото Андрея Черкасова

Екатерина Соколова

Встанут лежащие

Однажды я определил для себя стихи Екатерины Соколовой как «говорящие письма». Для себя, конечно. Помню, была, в далёком детстве история: заходишь в некий особенный киоск, – наговариваешь в микрофон кому-то близкому (или Кому-то близкому, так тоже, наверное, бывало) – важное, нужное. Потом отдают пластиночку, гибкую, как в журнале «Кругозор». В единственном экземпляре. И ты её даришь. Говорят, где-то живет такое письмо, наговоренное Цветаевой. В Праге или в Париже, следы затерялись. Кому и что она там рассказала?

Конечно, в основном записывались всякие поздравления. Мне хотелось записать что-то такое, чего нельзя повторить, что говорится один раз, как дневник. Но я так и не решился.

А ещё я всегда любил рассматривать фотографии. Конечно, чёрно-белые. Смотришь и думаешь: вот этой световой полосы уже не будет. Этих углов, этой мимики, жеста, тени. Хорошо, успели.

Многие Катины стихи как-то соотносятся у меня и с этим искусством. То, что она – фотохудожник, я, кстати, узнал позже всех. Почему-то не удивился.

...Помню, как захватила меня история о мальчике и девочке, которые спрятались ото всех на зимней детской площадке, на дне игрушечной лодки. И: соотношение судьбы той, кто об этом рассказывает, – с увиденным или вымечтанным. Мне сразу же открылось над ними – плывущее, снежное, поворачивающееся мироздание. «Замерзнуть не дав волчку, цветку, звезде, / Собой укрывая ее, как волну волною. / Плыть и, не зная, остановиться где, / Голубя выпускать, подобно Ною... / Но прохожу. Всё звуки. Любой предмет / Звук издает и отражает свет».

Так кончалось стихотворение. Читать хотелось медленно, отплывая и возвращаясь.

...Тревожная, стойкая, вопрошающая поэзия.

И заступническая, ответная.

Не забыть бы ещё о её «детском»: иногда там слышится милый голос дочери, иногда – других младших. Малых-родных вокруг много: народности, люди, вещи.

Ими надобно заниматься, но это и отбирает, я думаю, все силы.

А разве поэт – он царь?

Вослед «Виду» и «Чудскому печенью» вышел её «Волчатник».

Тожe храбрая книга. **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок Марии Заикиной

* * *

отпустили к тебе человека —
прими его как человека.

помести его в рай природный,
добрых полный зверей,
определи место удобное,
как в метро у дверей,

дай ему комнату с видом
на черепичные крыши,
маленькую, как свиблово,
откуда он вышел,

стереги его,
стул к кровати приставь
во избежание трав
ли, во избежание травм

* * *

человек как блестяшка в траве
забыт опрокинут —
военный, он сам себе фотография:
гладкое без улыбки лицо
стало просто лицом отца,
новым растением посреди
огнестрелки кустистой,
пестрянки гранатной,
лютика украинского, —
на обороте: здравствуй лёнечка,
я в львове и видел львов,
вот смешно, представляешь,
завтра лечу, напишу послезавтра
7 июл 79

* * *

обнимите его ибо теперь он
получает свет из другого источника
ноги и голова его разнесены в пространстве
он может быть теперь работник райского сада
откуда вы знаете
утренний орнитолог
ликвидатор последствий

* * *

гаснет лесополоса как память,
то как звездочка горит:
раньше водил нас, как собак, в связке,
ласково говорил,
а теперь распустил.

я постарел Господи
я тут уже всё посмотрел

* * *

ладно, хорошо.
Ты отследил меня и знаешь, куда я пошел.
так собери меня, положи рядком
на стекло беспредметное,
накрой накрывным
и рассмотри.

холодно, хорошо.

свет от зрачка Твоего протечет ли свободно насквозь —
я никого не любил —

или нет?

* * *

а вот что хочется
сказать тебе:
подожди,
подожди,
эта жара спадет —
и лежащие на скамьях встанут
и лежащие на скамьях
подмосковных платформ встанут
и лежащие на полях встанут
и встанут лежащие на путях

